

Вострецов Юрий Евгеньевич

ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕХОДА К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья посвящена одному из важных поворотных моментов в поведенческой эволюции человека - переходу от присвоения пищи к ее производству. В рамках гипотезы канализированной эволюции переход к земледелию и оседлому образу жизни впервые рассматривается на археологических и палеоэкологических материалах Восточной Азии. На основании реконструкции палеогеографических условий и анализа тенденций их изменений выделяются факторы давления природной среды на древнее население в конце плейстоцена - начале голоцена. Предлагается модель перехода к земледелию, интенсивному собирательству и, соответственно, к оседлому образу жизни.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 55-59. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Borea E.** Caravaggio e Caravaggeschi nelle Gallerie di Firenze, Firenze Palazzo Pitti, estate 1970: catalogo della mostra. Firenze: Sansoni, 1970. 225 p.
2. **Friedländer W.** Caravaggio Studies. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1955. 320 p.
3. **Gelder J. G. van.** Two Aspects of the Dutch Baroque: Reason and Emotion // Essays in Honor of Erwin Panofsky. N. Y.: New York University Press, 1961. Vol. 1. P. 445-453.
4. **Judson J. R.** Gerrit van Honthorst: A Discussion of His Position in Dutch Art. Hague: Martinus nijhoff, 1959. 315 p.
5. **Judson J. R., Ekkart Rudolf E. O.** Gerrit van Honthorst 1592-1656. Doorbspijk: Davaco, 1999. 405 p.
6. **Kahr M. M.** Dutch Painting in the Seventeenth Century. Second edition. Cambridge, Mass.: Perseus Publishing, 1978. 326 p.
7. **Panofsky E.** Early Netherlandish Painting: Its Origins and Character. 4th edition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1966. Vol. 1. 632 p.

INTERPRETATION OF GERARD VAN HONTHORST'S RELIGIOUS PAINTINGS**Wang Yijia***Saint Petersburg University**van.itszia@yandex.ru*

The article examines Gerard van Honthorst's religious paintings. The iconographic type of illumination allows the painter to achieve specific dramatic effect in his works. Analyzing illumination in Honthorst's religious paintings from the viewpoint of Caravaggism tradition the author concludes that Honthorst not only introduced systematic use of the physical light source but also chose the static and quiet candlelight, contrary to Caravaggio's flickering light.

Key words and phrases: Gerard van Honthorst; Caravaggio; light; night scenes; illumination problem; luminous effect; religious painting; Caravaggism; iconographic type.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена одному из важных поворотных моментов в поведенческой эволюции человека – переходу от присвоения пищи к ее производству. В рамках гипотезы канализированной эволюции переход к земледелию и оседлому образу жизни впервые рассматривается на археологических и палеоэкологических материалах Восточной Азии. На основании реконструкции палеогеографических условий и анализа тенденций их изменений выделяются факторы давления природной среды на древнее население в конце плейстоцена – начале голоцена. Предлагается модель перехода к земледелию, интенсивному собирательству и, соответственно, к оседлому образу жизни.

Ключевые слова и фразы: палеогеография; земледелие; археология; ранняя керамика; Восточная Азия.

Вострецов Юрий Евгеньевич, д.и.н.

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток
vost54@mail.ru*

**ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕХОДА
К ЗЕМЛЕДЕЛИЮ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ****Введение**

Переход к производству пищи, который произошел около 10000 лет назад в разных частях мира, являлся одним из важнейших событий в человеческой истории. Этот процесс в некоторых регионах мира изучается достаточно долго. Например, в Передней Азии, где находился один из очагов возникновения земледелия, исследования успешно ведутся более ста лет. Восточная Азия в этом отношении пока остается мало изученной. Вопросы о том, когда, где и как население Восточной Азии переходило к оседлому образу жизни и осваивало производящие экономики, активно разрабатываются только последние тридцать лет. Обширная территория и медленно накапливающиеся необходимые сведения не позволяют однозначно ответить на них. В этой ситуации перспективно построение моделей изучаемых процессов, которые позволили бы интегрировать имеющиеся данные и оптимизировать направления поиска недостающих.

Первые земледельческие сообщества культур Пейлиган и Сишань появились в среднем течении р. Хуанхэ около 10000 калиброванных лет назад. Здесь обнаружены поселения площадью 1-2 га, укрепленные канавами-рвами. Жилища-полуземлянки имели округлую форму, рядом с ними найдено большое количество амбаров (в некоторых собрано значительное количество остатков проса) и мусорные ямы. Материальная культура населения памятников представлена многочисленными обломками керамических сосудов, каменными теслами,

топорами, ручными плугами, а также терочными плитами на ножках. Предполагается, что раскопанные особые места для захоронений, земляные платформы и клады являются признаками ритуальной деятельности жителей поселений [4]. Сообщества культур Пейлиган и Сишань предстают «неожиданно», в уже развитом виде, и не производят впечатления «ранних земледельцев» [1]. Более того, нигде в Восточной Азии не прослеживаются истоки этих культур.

Представляется, что «внезапное появление» земледельцев не может рассматриваться без учета палеогеографической ситуации. Если интегрировать археологические и палеогеографические данные, то можно попытаться рассмотреть, как изменяющиеся природные условия Восточной Азии способствовали появлению ранних земледельцев в окружении охотников-собирателей.

Тенденции природных изменений и археология

Все исследователи согласны с тем, что процесс перехода от собирательства к земледелию имел общий стимул в виде природных изменений конца плейстоцена – начала голоцена [2; 4; 6]. В континентальной зоне Восточной Азии он в значительной мере был связан с развитием технологий обработки и хранения крахмалосодержащей пищи, а на морском побережье – еще и с эксплуатацией эстуарных и морских ресурсов.

Процесс перехода к земледелию схематически выглядит следующим образом. На обширной территории Восточной Азии от Северного Китая до Среднего Амура в результате постепенного потепления климата после рубежа 20000-16000 кал. л.н. постепенно складывалась растительная ресурсная база (в виде орехов, желудей, просяных), которая дополнялась озерными и эстуарными ресурсами. В совокупности они создали условия для возникновения навыков оседлого образа жизни населения, основанного на эксплуатации пищевых ресурсов, пригодных для длительного хранения.

В долинах среднего течения р. Хуанхэ с благоприятным микроклиматом появились группы памятников, такие как в Сячуань (ок. 25000 кал. л.н. и ок. 15000 кал. л.н.), где найдены многочисленные микропластины и терочные плиты [2]. Часть обнаруженных на поселении отщепов имеет следы, сходные с теми, что были получены на экспериментальных образцах при срезании метелок чумизы [6]. Кроме того, было установлено, что некоторые терочники использовались для обработки семян с шелухой, предположительно дикого проса. На многослойных памятниках в Шицзитань (ок. 20000-9000 кал. л.н.) жилые горизонты обитания населения чередуются с лёссовыми скоплениями толщиной в несколько метров. Микропластины, терочные плиты и терочные камни из этих поселений указывают на обработку мелких семян травянистых растений. На терочниках из слоя 9, сформировавшегося ок. 12700-11600 кал. л.н., обнаружены остатки крахмала многочисленных растений, включая желуди (*Quercus sp.*) и травы (*Panicoidae and Pooideae*), причем эти два таксона составляют 73% от общего количества гранул крахмала, или 95% от идентифицированных. Небольшая часть представлена бобовыми (семейства *Fabaceae*, племя *Phaseoleae*) и клубневыми (*Dioscorea sp.*). Таким образом, в конце плейстоцена возросло использование травянистых растений, а микропластины, терочные плиты и камни стали повсеместным компонентом материальной культуры этих групп памятников.

Около 16000 л.н. происходило дальнейшее улучшение климатических условий, в том числе возвращение лесных ландшафтов в лёссовые области. Резкое потепление климата в конце плейстоцена на границе периода Бёллинг-Аллерёд (ок. 14600-14000 кал. л.н.) также способствовало переходу охотников-собирателей к частичной и полной оседлости, увеличению численности населения и расселению по приемлемым для обитания местам Восточной Азии вплоть до Среднего Амура. В это же время происходил расцвет доземледельческой натуфийской культуры в Передней Азии.

Раннеолитические культуры Среднего Амура, перешедшие к оседлому образу жизни (осиповская, грамотухинская, новопетровская), существовали в интервале примерно 16000-11500 кал. л.н. Они развивались хотя и в контакте друг с другом, но каждая самостоятельным путем. На керамике этих культур встречается в развитом виде «веревочный» орнамент, вертикальный и горизонтальный прочерченный зигзаг, прочес, то есть виды орнамента, которые потом доминировали в материалах земледельческих памятников [3]. Однако нам пока не известны земледельческие поселения этого времени в Восточной Азии. Возникает вопрос: где и у какого населения первоначально появляются такие виды орнамента? К настоящему времени также неизвестны памятники, которые по образу жизни и социальному устройству их населения могли бы рассматриваться как переходные от продвинутых охотников-собирателей к ранним земледельцам типа Пейлиган-Сишань. Очевидно, что земледельцы сформировались не в районе среднего течения современной р. Хуанхэ, а где-то в другом месте. Где могло быть наиболее приемлемое по комплексу ландшафтно-климатических условий место для перехода к земледелию? Предполагается, что наиболее вероятным, если не единственным, местом была палеоравнина на современном шельфе Желтого моря.

Около 16000 лет назад территория Восточной Азии отличалась от современной не только климатическими условиями, но и ландшафтными характеристиками (см. Рис. 1) [6, fig. 3.8]. Уровень моря был ниже современного более чем на 100-120 м. На шельфе Желтого и Восточно-Китайского морей существовала довольно плоская, хорошо дренированная палеоравнина, а побережье изобиловало эстуариями. Площадь этой палеоравнины составляла более 416 тыс. км², то есть почти вдвое больше площади Великой Китайской равнины или примерно половина территории Южной Маньчжурии.

Устья рек Палеохуанхэ, Палеохуайхэ, Палеоянцзы сходились к западу от о. Кюсю близко друг к другу или были общими в интервале 15000-13000 л.н. Воздействие холодного течения из Японского моря было минимизировано, доминировало теплое течение Палеокуросио. Оно было артерией, обеспечивающей коммуникацию населения Восточной Азии, в том числе и распространение керамики. Благодаря теплому течению

побережье вплоть до пролива между материком и о. Кюсю входило в зону тропических и субтропических вечнозеленых лесов, которые постепенно в континентальной части переходили в зону хвойно-широколиственных листопадных лесов, а затем в зону лёссовых и засушливых степей (см. Рис. 1).

На изрезанной реками палеоравнине и особенно по обрамлению палеоэстуариев в конце плейстоцена – начале голоцена существовали лучшие ландшафтно-климатические условия для оседлого обитания человека в Восточной Азии. К ним следует отнести, в первую очередь, комбинацию пищевых ресурсов моря и суши, которые характеризовались разнообразием, устойчивостью, локальной сменяемостью. Несомненно, важную роль играло влияние теплого течения (Палеокуро시오). Нарастали позитивные изменения, связанные с потеплением климата и изменением растительности на палеоравнине, которые происходили раньше, чем в среднем течении р. Хуанхэ. Особенно это относится к южным предгорьям палеовозвышенности п-ова Шандунь. Морское побережье с характерной для него линейной системой расселения и высокой плотностью населения, а также Палеокуро시오 были связующей областью для обмена информацией по линии юг-север, в том числе для распространения керамики (памятник Ючуниан, ок. 18300 кал. л.н.). В то же время водосборные бассейны рек Палеохуанхэ, Палеохуайхэ, Палеоянцзы обеспечивали информационный обмен по линии восток-запад между морским побережьем и континентальными районами. В целом речные системы Восточной Азии позволяли легко и бесконфликтно передвигаться как в меридиональном, так и широтном направлениях.

Таким образом, в конце плейстоцена на палеоравнине в соответствии с экологическими условиями должно было раньше концентрироваться население полуоседлых охотников-собирателей, которые эксплуатировали более широкую ресурсную базу, чем группы типа Сячуань и Шицзитань в районах с благоприятным микроклиматом в Среднем Хуанхэ.

Резкое похолодание Позднего Дриаса примерно с 12800-12500 кал. л.н. по 11700-11600 кал. л.н. оказалось серьезным бедствием для населения Восточной Азии. В это время охотники-собиратели отступали в более благоприятные места обитания, в том числе речные долины, такие как в Шицзитань и Сячуань. Другим районом, где население могло спастись от похолодания климата, вероятно, было морское побережье, где в это время было теплее, произошла стабилизация уровня моря и, соответственно, образование лагун в устьях рек, впадающих в море. Лагуны представляли собой участки с высокой продуктивностью, разнообразием и устойчивостью экосистемы как ресурсной базы населения. Они значительно превосходили по доступности ресурсов все другие экосистемы, имеющиеся в наличии в то время. В условиях похолодания климата лагуны были наиболее вероятными местами, где концентрировалось население. Структура их ресурсной базы позволяла вести образ жизни с полной или высокой степенью оседлости в зависимости от близости к ресурсам. Этнографические исследования показывают, что прибрежные охотники-собиратели имеют в 10-15 раз более высокую плотность населения, чем соответствующие континентальные группы населения [5].

В результате похолодания происходило сокращение ресурсной базы, увеличение мобильности, усиление конкуренции за ресурсы, интенсификация использования ресурсов, поиск альтернативных стратегий выживания. Известно, что первое domesticiрованное просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*) появилось на поселении Шишань ок. 10300-8700 кал. л.н. В этом случае процесс domesticiкации, по мнению генетиков, должен был начаться за 1000-2000 лет до этого, то есть во время похолодания Позднего Дриаса [4]. Последующее за похолоданием потепление климата было сопряжено с постоянным, но нелинейным подъемом уровня моря. В ходе трансгрессии происходило незначительное заболачивание побережья и образование ингрессионных заливов. Подъем уровня моря, с одной стороны, выдавливал группы охотников-собирателей от побережья выше по течению рек, где они вынуждены были конкурировать за ресурсы с другими группами. С другой стороны, в результате повышения уровня моря население концентрировалось вокруг продуктивных участков морского побережья и постоянно адаптировало свою систему жизнеобеспечения к меняющейся ресурсной базе.

Модель перехода к земледелию

Таким образом, предполагается, что на палеоравнине Желтого моря происходили следующие явления:

1) постоянно увеличивалась плотность населения и его динамика, усиливалась конкуренция за ресурсы, информационный обмен, а также осуществлялся поиск оптимальной стратегии получения ресурсов за счет интенсификации;

2) на фазах похолодания климата факторов давления окружающей среды на население в условиях палеоравнины было больше, и действовали они динамичнее, чем в среднем течении р. Хуанхэ;

3) в районе морского побережья палеоравнины сконцентрированное население с высоким информационным обменом и уровнем конкуренции за ресурсы в условиях давления природной среды должно было быстрее перейти к культивации диких растений, опыт собирательства которых уже существовал повсеместно в Восточной Азии.

В интервале 13000-9000 л.н. в Китае появились первые изделия из лака. Они могут рассматриваться как индикатор существования социального производства, не уступающего по сложности культивации злаков. Мотивация к производству лака была иной, чем к производству пищи, но переход к оседлости и земледелию способствовал развитию лакового производства, наряду с изготовлением керамики.

Далее, после Позднего Дриаса произошли еще два похолодания климата в интервалах 9700-9300 л.н. и 8200-7800 л.н., которым сопутствовали аналогичные экологические и, вероятно, социальные события. Таким образом, природных стимулов, подталкивающих население в направлении культивации растений на палеоравнине Желтого моря, было гораздо больше, чем в среднем течении р. Хуанхэ.

В результате потепления климата, сопряженного с подъемом уровня моря, началось быстрое расселение по водным артериям к предгорьям продвинутых охотников-собирателей и, возможно, уже земледельцев. Около 7800 л.н. береговая линия приблизилась к современной. Палеоравнина исчезла под водой. Дальнейшая трансгрессия моря, продолжавшаяся примерно до 6500 л.н., затопила долину нижнего течения р. Хуанхэ, превратив возвышенность Шандунь в палеоостров со скоплением островков вокруг него. Поселения самых ранних земледельцев и продвинутых охотников-собирателей оказались под водой. Вот почему известные нам памятники ранних земледельцев типа Пелиган-Сишань располагаются по обрамлению зоны затопления максимума трансгрессии, демонстрируя довольно развитые формы технологии, материальной и духовной культуры, социального устройства, так «неожиданно» появляющиеся в Восточной Азии.

Что же культивировали ранние земледельцы? Как показал изотопный анализ костей, около 8000 кал. л.н. в нижнем течении р. Хуанхэ на памятнике Сяочжиншань просо уже составляло 25% в рационе мужчин и женщин. На соседних памятниках Чжаху известен рис, а на памятнике Ячуан культуры Хоули, датированной АМС 7900 кал. л.н., было обнаружено 40 семян проса обыкновенного, одно семя проса итальянского и 26 семян риса. В это же время рис культивировался к югу от устья современной Янцзы на памятнике Квахучао. В то же время население многих из первых раннеолитических поселений по-прежнему полагалось, в первую очередь, на охоту-рыболовство-собирачество.

Заключение

Таким образом, все эти немногочисленные сведения позволяют предполагать, что в Восточной Азии в конце плейстоцена наиболее приемлемой по экологическим условиям для перехода к оседлому образу жизни и земледелию была область палеоравнины на шельфе Желтого моря. Именно на ее территории происходили динамичные позитивные изменения ресурсной базы населения.

Переход к культивации проса и риса начался одновременно на палеоравнине в период похолодания Позднего Дриаса и дополнительно «мотивировался» двумя последующими похолоданиями.

В результате подъема уровня моря произошло расхождение устьев рек Янцзы и Хуанхэ в южном и северном направлении и, соответственно, территориальная специализация ранних земледельцев на культивацию риса и проса согласно агроклиматическим условиям.

Сходство раннеолитической керамики из бассейнов рек Янцзы и Хуанхэ свидетельствует об ее происхождении из общего центра – палеоравнины Желтого моря.

Если рассматривать в рамках гипотезы канализированной эволюции процессы перехода к производящему хозяйству в Северном Китае и Леванте, можно прийти к заключению, что сам вектор адаптации населения в направлении производства пищи оказывался предопределен комплексом первоначальных условий и событий, которые задавали набор возможных вариантов поведения. В данном случае их было два: переход к производству пищи и интенсификация ее присвоения. Оба варианта этих адаптивных стратегий мы наблюдаем в Восточной Азии.

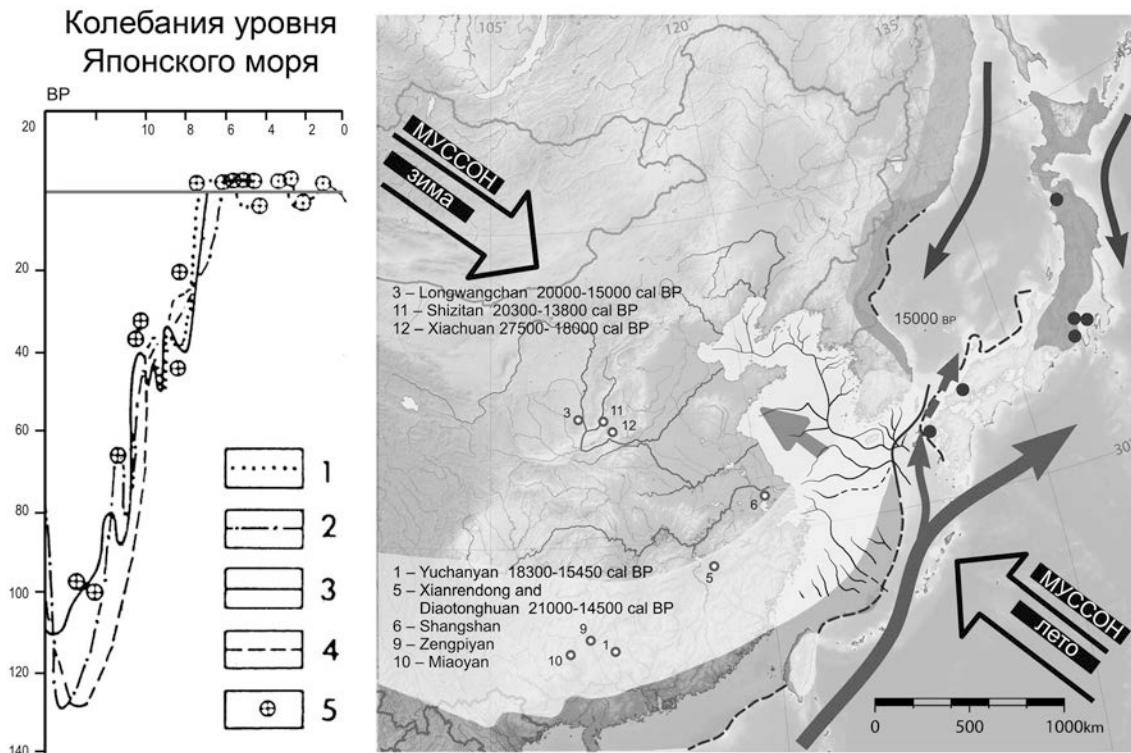

Рис. 1. Кривая изменения уровня моря в конце плейстоцена – голоцене.

Реконструкция побережья Восточной Азии около 1500 лет назад. Археологические памятники этого времени

Список источников

1. **Вострецов Ю. Е.** Появление и эволюция земледелия в Восточной Азии // Мегаструктура Евразийского мира: основные этапы формирования: материалы Всерос. науч. конф. (4-5 дек. 2012 г.) / РФФИ, ИА РАН. М., 2012. С. 84-87.
2. **Лю Ли.** Терочные орудия, собирательство орехов, оседлая жизнь и происхождение земледелия в доисторическом Китае / пер. с кит. яз. А. Л. Ивлиева. Сиань: Сяньцзинь чубашэ. 2008.
3. **Шевкомуд И. Я., Яншина О. В.** Начало неолита в Приамурье: поселение Гончарка-1. СПб.: МФЭ РАН, 2012. 270 с.
4. **Cohen D. J.** The Beginning of Agriculture in China: Multiregional View // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52. № 4. P. 273-293.
5. **Cook S. P., Heizer R. P.** Relationships among Houses, Settlement Areas, and Population in Aboriginal California // *Settlement Archaeology*. Palo Alto, 1968. P. 79-116.
6. **Liu Li, Xingcan Chen.** The Archaeology of China. From the Late Paleolithic to the Bronze Age. Cambridge: University Press, 2012. 475 p.

PALEO GEOGRAPHIC MODEL OF TRANSITION TO AGRICULTURE IN EAST ASIA**Vostretsov Yurii Evgen'evich**, Doctor in History*Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in Vladivostok
vost54@mail.ru*

The article is devoted to one of important turning points in behavioral evolution of the human being – transition from appropriation of food to its production. Within the framework of the hypothesis of canalized evolution, transition to agriculture and sedentary lifestyle is considered by archaeological and paleoecological materials of East Asia for the first time. On the basis of reconstruction of paleogeographic conditions and the analysis of trends in their changes, factors of natural environment pressure on ancient population at the end of the Pleistocene – the beginning of the Holocene are singled out. A model of transition to agriculture, intensive gathering and, accordingly, sedentary lifestyle is proposed.

Key words and phrases: paleogeography; agriculture; archeology; early ceramics; East Asia.

УДК 1/6; 165

Философские науки

В статье исследовано электронное государство как экзистенциальная предпосылка мира правовых реалий. Автор обосновывает ту мысль, согласно которой в современном сложном мире усиливается противостояние гуманитарной, экзистенциальной культуры духу технизма и технократического мышления. Впервые анализируется функциональное пространство гуманитарной культуры, где гуманистическая, социально-познавательная, мировоззренческо-аксиологическая, интегрирующая, коммуникативная, управленческо-регулятивная, социально-преемственная функции вписаны в смысловой контекст становления электронного государства и электронного правительства.

Ключевые слова и фразы: электронное государство; электронное правительство; гуманитарная культура; мир правовых реалий; свобода человека; коммуникация и общение; социальная преемственность; дух технизма; общечеловеческие ценности.

Газизов Раиль Робертович, к.т.н., доцент*Башкирский государственный университет, г. Уфа
rael888@mail.ru***ЭЛЕКТРОННОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА
СТАНОВЛЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ И МИРА ПРАВОВЫХ РЕАЛИЙ**

В эпоху техники существенным образом возрастает влияние процессов информатизации на развитие государства и общества. Само понятие «электронное государство» отражает не мир права, а концептуальный сдвиг в развитии гуманитарного знания [2, с. 10], который оказался, на наш взгляд, направленным на процесс формирования информационного общества во всем богатстве его частных импликаций.

В современном мире усиливается противостояние гуманитарной, экзистенциальной культуры духу технизма и технократического мышления [6, с. 85]. Сегодня растет социальная и нравственная ответственность обществоведов, причем несмотря на бюрократизацию образования и культуры (возрастет отчетность гуманитариев; преподавание социально-гуманитарных наук в вузе становится чисто технической процедурой, которая гасит сами истоки гуманитарной мысли, коренящейся в свободной творческой активности человека). В данном отношении само пространство гуманитарной культуры оказалось как бы «обесточенным», и в силу этого обстоятельства расширение «электронного государства» практически оказалось «распространением бюрократических механизмов во все сферы общественной жизни благодаря широкому развитию информационно-телекоммуникационных технологий» [2, с. 10].

Видимо, формирование электронной информационной коммуникации обеспечивает лишь исходные предпосылки, но далеко не автоматическую трансформацию электронных систем в соответствии с идеалами